

**ПРЕМЬЕРА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
БЛОКБАСТЕРА**

ВАЛЕРИЙ РОЩИН

ЛЕДИКОЛ

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р81

В оформлении обложки использована иллюстрация,
предоставленная ООО «Продюсерская
фирма Игоря Толстунова»

Рощин, Валерий Георгиевич.
Р81 Ледокол / Валерий Рощин. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Премье-
ра отечественного блокбастера).

ISBN 978-5-699-96859-6

Возвращаясь в порт приписки, советский ледокол «Михаил Громов» сталкивается с неожиданно пришедшим в движение айсбергом и оказывается в ледовом плену у побережья Антарктиды. На глазах команды погибает один из полярников, судно получает серьезные повреждения, ледяная глыба грозит окончательно раздавить ледокол... В разгар событий из пароходства поступает приказ об отстранении капитана от руководства экипажем. Нервы у людей на пределе. Кто придет на помощь «Михаилу Громову», если на сотни миль вокруг лишь зловещая тишина и лютый холод?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96859-6

© ООО «Продюсерская фирма
Игоря Толстунова»
© Рощин В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Антарктида; море Росса;
советская полярная станция «Русская» —
борт ледокола «Михаил Громов»
7 марта 1985 года*

Настроив приемо-передающую аппаратуру, радист Зорькин «настучал» радиограмму: «Залив», метеоусловия в районе полярной станции «Русская» сложные: обильный снегопад и сильный ветер с материка. Скорость ветра 10—12 метров в секунду; порывы до 15».

Спустя несколько минут из Балтийского морского пароходства пришел вопрос: «Эвакуация полярников закончена?»

«В процессе, — ответил Зорькин. — Как только примем на борт последнего полярника — сразу отвалим в сторону чистой воды...»

Северное полушарие готовилось к наступлению весны. А в Южном ожидалась холодная осень, и вахта на «Русской» подошла к долгожданной завершающей фазе. Советский дизель-электрический ледокол «Михаил Громов» приблизился к одному из берегов Антарктиды;

сотрудникам полярной станции оставалось лишь собрать подготовленные вещички, преодолеть пару километров по льду и взобраться на его борт.

«Вахтой» старые полярники называли весь период экспедиции. Как правило, он был коротким — до трех месяцев. Но иногда по различным причинам затягивался до полугода и даже до девяти месяцев.

Станция «Русская» располагалась недалеко от берега — подошедший ледокол был виден с ее небольшой территории на фоне нескольких вмержших в лед айсбергов, как на цветной фотографии. Лева с Беляевым покинули модуль станции последними. Последними преодолели тяжелый путь до судна и последними взобрались по опущенному боковому трапу.

Там, где летом гулял прижим¹, теперь белел сплошной лед. Основная группа полярников далеко впереди толкала установленный на санях небольшой контейнер с оборудованием. Здоровяк Беляев тащил два тяжелых ящика с инструментами, неуклюжий Лева нес за спиной рюкзак со своими личными вещами и вещами товарища, а руками удерживал непослушную Фросю — собаку средних размеров неопределенной породы.

---

¹ Прижим — наносной к берегу лед; ледяные поля, прижатые к берегу.

Наконец, основная группа с санным грузом подошла к борту ледокола. Погрузка контейнера прошла быстро и без проблем. Полярники дружно устремились по трапу на палубу. Тепло поприветствовав прибывших за ними моряков, они в сопровождении матроса просочились с багажом в надстройку и в радостном возбуждении двинулись по узким коридорам к отведенному для них жилью.

Матрос привел гостей судна в закуток к свободным каютам, открыл ключами дверцы и предложил располагаться.

— Не хоромы! — поставив ящики слева от входа, весело оценил размеры жилища Беляев.

— Зато тепло, светло и почти как дома! — хохотнул один из его товарищей.

— А ты хотел апартаменты, как у капитана? — рассмеялся из коридора второй. — Чтоб и спальенка, и рабочий кабинет, и свой галльон с ванной?..

Прибывшие на борт «Громова» полярники испытывали настоящую эйфорию. Еще бы не волноваться! Столько месяцев прожили в модульном строении по соседству с Южным полюсом. В их убогом жилище не было ни телевизора, ни приемника, ни нормального душа с теплым туалетом. Модуль был поделен на три небольшие зоны: столовая, рабочая и жилая.

С одной стороны — мечта, а не работа. Уйма времени для медитации, чистейший воздух, пол-

ное отсутствие автомобильных пробок, а также добрый, отзывчивый коллектив единомышленников. В хорошую погоду можно было прогуляться по окрестностям, правда желающих на такие прогулки не находилось, ибо ничего нового никто из полярников вокруг станции не узрел бы. Утром, в обед и вечером снимались показания с приборов метеорологического контроля, расположенных рядом с модулем, а вечером в жилой зоне мужики резались в настольные игры. Вот и все разнообразие. И это уже была другая сторона медали — серая, унылая и неизбежная, как пенсия.

Но с этого часа безрадостная жизнь полярников непременно окрасится в новые яркие цвета. Судно с благоустроенными каютами, с теплыми гальюнами и светлой кают-компанией, да ещедвигающееся в сторону дома, — это совсем другое дело.

И только тридцатипятилетний Лева, нагруженный рюкзаком и собакой, отчего-то был невесел. Дабы избавиться от заплечной ноши, он опустил на пол двухместной каюты собаку и, тяжело дыша, скинул одну лямку, другую. Рюкзак мягко шлепнулся на пол.

Фрося тоже нервничала. Попав в незнакомое помещение, она настороженно приняховивалась к новым запахам и поскуливала. На станцию ее тоже доставляли ледоколом, но тогда она была

несмышленным щенком и почти ничего не запомнила. Вильнув хвостом, она незаметно выскочила за приоткрытую дверь...

Как только полярники разместились в каютах, по корпусу судна прошла вибрация; усилился фоновый гул. Бывалый народ сразу понял: главные дизели увеличили мощность, и ледокол начал движение в сторону от берега.

Так оно и было.

Старший механик Черногорцев сидел на своем «троне» в машинном перед панелью контрольных приборов и жевал бутерброд, когда раздался звонок, а стрелка машинного телеграфа скакнула из сектора «Стоп» в сектор «Малый». Динамик трансляции при этом продублировал команду голосом второго помощника капитана Банника:

— Малый вперед.

— Понял, малый вперед, — пробасил «дед» и отдал соответствующую команду вахтенному матросу-машинисту.

После чего потянулся к лежащему пакету, достал из него припасенный бутерброд и принялся с аппетитом жевать. Однако вскоре трапеза прервалась очередным звонком и ожившей стрелкой телеграфа.

— Полный вперед! — известил динамик.

Вздыхнув, стармех устроил бутерброд на приборной панели, вытер о коленку ладонь и, дотянувшись до микрофона, оттраптовал:

— Есть полный вперед! Васька!

Сидевший неподалеку моторист подскочил:

— Да!

— Давай полный.

— Слушаюсь!

Дизели увеличили обороты. Послушав их работу, стармех решил продолжить трапезу и протянул руку к тому месту, куда положил недоеденный кусок хлеба с нарезанными ломтиками копченой колбасы. Но его там не оказалось — приборная панель была пуста.

— Что за шутки?.. — пробормотал Черногорцев, оглядываясь по сторонам.

Однако рядом с его «троном» никого не обнаружилось. Все подчиненные мотористы были заняты делами.

— Чертовщина, — пробормотал «дед» и, смяв в комок пустой пакет, отправил его в урну.

* * *

«Залив», приняли на борт сотрудников полярной станции «Русская». Направляемся полным ходом к чистой воде. Радист «Михаила Громова» Зорькин», — улетела в Ленинград очередная радиограмма.

«Понял вас. Какова ледовая обстановка?» — ответили вопросом из Балтийского морского пароходства.

«Ледовая обстановка сложная. Продвижение ледокола затруднено толщиной льда».

«Ясно. Докладывайте о продвижении каждый час».

«Есть докладывать через час», — отстучал радист и перевел станцию в режим приема. Посмотрев на часы, он записал фломастером в блокноте время следующего сеанса...

В рулевой рубке «Громова» шла обычная работа. Вахтенный рулевой матрос ворочал штурвал. Второй помощник Банник нависал над картой, рядом над столом покачивался на витом проводе микрофон судовой трансляции. Старший помощник капитана Еремеев держался за поручень и молча взирал сквозь толстое стекло на сплошное ледяное поле.

Капитан «Громова» Андрей Петров тоже находился рядом — подняв воротник теплой куртки, он стоял на открытом крыле мостика и рассматривал в бинокль белую пустыню. Метеорологическая обстановка его не радовала уже несколько дней: температура воздуха понижалась, ветер постоянно усиливался, интенсивность осадков в виде снега не ослабевала и ухудшала видимость.

Но более всего настораживали два факта.

Во-первых, стабильное понижение температуры влекло за собой увеличение толщины льда. Значение этой толщины уже подходило к критическому — еще несколько сантиметров, и «Гро-

мову» станет не под силу ломать своим весом льдины.

Во-вторых, в прибрежной зоне южного материка отмечалось приличное количество вмерзших в лед айсбергов. Мирно дремлющих и на первый взгляд небольших. Надо льдом ледяные горы возвышались метров на 10—15, а снизу их «тела» были раз в семь или восемь больше. Так что о «скромности размеров» рассуждать не приходилось...

Петрову шел 31-й год, и на сегодняшний день он являлся самым молодым капитаном в Балтийском морском пароходстве. Но, несмотря на относительную молодость, жизненный путь он прошел немалый, насмотрелся всякого и побывать успел в разных передрягах. А потому точно знал: неопасных айсбергов не бывает.

Впрочем, пока ни один из них ледоколу не угрожал. Ломая лед, судно шло заданным курсом. До чистой воды было не близко; тем не менее, если толщина льда не увеличится, то в отведенный срок «Громов» успеет выбраться из ледового плена. На чистой воде он сможет дать расчетные 19 узлов и направиться на этой скорости к ближайшему порту Австралии для приема на борт топлива, пресной воды и продуктов...

Опустив бинокль, Петров поежился от холодного ветра, поправил воротник. И вдруг ощутил разлившееся по телу тепло.

Улыбнувшись, он понял причину странного ощущения. Ему внезапно вспомнилась уютная комнатка в коммунальной ленинградской квартире. И, конечно же, ее обитатели: жена Людмила и пятилетний сын Федор.

«Интересно, чем они сейчас заняты? — подумал он, глядя на ломаемый носовой частью судна лед. — Два окна комнатки смотрят на юг; значит, сквозь них заглядывает весеннее солнце. Люда строчит на пишущей машинке очередную статью для редакции. А сынишка... Больше всего он любит рисовать. Наверняка сидит за столом недалеко от мамы и сопит, изображая море, чаек, айсберги... Люда отвлекается от работы, наливает стакан теплого молока и заботливо ставит на стол рядом с ним. Малыш шумно отхлебывает и дорисовывает большой корабль. А потом по памяти выводит на носовой части название — «Михаил Громов». Читать и писать он пока не умеет, но название судна давно заучил. И последним штрихом добавляет к рисунку три стоящих на палубе фигурки: папу, маму и себя...»

* * *

Бутерброд манил такими сумасшедшими ароматами, что Фрося не смогла устоять. Вообще-то, несмотря на беспородность, она была воспитанной собакой. Но разве можно соблюсти хорошие манеры, когда в животе гуляет ветер?

В машинное отделение она попала случайно — пробежала мимо и вдруг обнаружила открытую дверь. Вначале ее напугали громкие звуки, исходящие из обширного и мрачноватого помещения, и она с легкой трусцы перешла на стремительный бег. Но отменное обоняние внезапно уловило удивительный запах. Пища, которой ее баловали полярники, так не пахла. На станции каждый день была надоевшая гречневая или рисовая каша с редкими кусочками мяса. А тут пахло чем-то необычным и очень вкусным!

Любопытство и голод заставили ее позабыть о страхе и вернуться к открытой металлической двери. Просунув в щель мохнатую морду, Фрося осмотрелась. В центре помещения стояли в два ряда огромные механизмы, вокруг которых сновали люди. Еще один человек — большой и грозный — восседал на возвышении у пульта с приборами.

Механизмы издавали ужасный громкий гул, а манящий запах исходил как раз от большого и грозного человека, к которому в ином случае умная Фрося ни за что не отважилась бы подойти. Ни за что! Но сейчас ее воля целиком подчинялась пустому собачьему желудку.

Тихо поскуливая и прижав к голове уши, она нырнула внутрь страшного помещения и на полусогнутых лапах подкралась к возвышению. Потя-

нув носом, определила точное местонахождение источника аромата. Выждала момент, когда большой человек отвернется. Затем приподнялась на задних лапах, одним движением ухватила кусок хлеба с несколькими ломтями копченой колбасы и бросилась к выходу.

В коридоре она снова растерялась. Куда бежать? Где найти укромное местечко, чтоб спокойно съесть добытую провизию?

В дальних уголках собачьей памяти сохранились обрывки информации о долгом путешествии в таком же железном плавучем доме. Это произошло несколько месяцев назад, когда ее маленьким глупым щенком везли на станцию. То путешествие она почти безвылазно провела в каюте хозяина — неуклюжего добряка Левы и, конечно же, мало что запомнила. Но с тех пор она повзрослела, поумнела и стала самостоятельной. Иначе сидеть бы ей сейчас возле хозяина и терпеливо ждать, когда он соизволит открыть очередную банку с невкусной кашей...

Оказавшись в коридоре, Фрося повернула вправо и засемила к крутой лестнице. Если бы ступеньки вели вниз, она, не раздумывая, кинулась бы туда. В этих огромных плавающих домах была одна значимая особенность, которую Фрося распознала, еще будучи щенком: чем ниже спускаешься, тем меньше встречаешь людей. Но лестница вела наверх — пришлось карабкаться